

НАСЛЕДНИК КЛАССИКИ

Беседа Ксении Зиминной* с Андреем Румянцевым, однокурсником Александра Вампилова по Иркутскому университету, народным поэтом Бурятии, автором книги воспоминаний и других публикаций о драматурге.

Ксения Зимина: Почему так редки хорошие, точно передающие замысел А. Вампилова постановки его пьес?

Андрей Румянцев: Потому что нынешние режиссеры больше заботятся о собственном “самовыражении”, чем о точном сценическом воплощении пьес Александра Вампилова. За долгие годы приходилось видеть многие постановки его произведений на столичной и других сценах. В Иркутске проходит Вампиловский фестиваль современной драматургии, в нем каждый раз, как правило, участвует более десятка театральных коллективов из всех регионов России. Тут уж с особым вниманием смотришь спектакли по пьесам, рассказам (и даже записным книжкам) Вампилова. Ну что говорить о точном прочтении авторского текста, если один известный в стране театр так “дописывает” “Старшего сына”. Если вы помните, у автора пьеса начинается с того, что девушки, которых проводили до дома молодые гуляки Бусыгин и Сильва, отказались пригласить их к себе, и те остались глухой ночью на улице дальнего городского предместья. Режиссер решил осовременить Вампилова. Спектакль начинается сценой в каком-то кабаке, где обе парочки шумно резвятся, потом совокупаются прямо перед притоном и, наконец, едут в предместье. Это уже стало дурной традицией: вносить отсебятину в пьесы, авторы которых ушли из жизни и не могут одернуть режиссера. Приходилось видеть спектакль по чеховской “Чайке”, где Аркадина представлена наркоманкой. Вампилов в таких случаях советовал театральным “новаторам” самим писать пьесы и экспериментировать, как говорится, до посинения. В классике глубина открывается тогда, когда режиссер и актер чутко улавливают смысл каждого слова, все оттенки мыслей и чувств автора. Любое вторжение искажает текст, вносит в него фальшь. Нынешним неопитам в театрах стоило бы помнить слова своего великого предшественника Георгия Товстоногова. Он писал о Вампилове: “Уже тогда, в пору только начавшегося знакомства с его драматургией, мы в полной мере отдавали себе отчет в том, что имеем дело с большим художником. Это походило на работу с классикой, когда за любой деталью обнаруживаешь глубокий внутренний смысл”.

* Ксения Зимина — выпускница Московского гуманитарного университета им. М. Шолохова, исследовательница творчества А. В. Вампилова.

К. З.: *Что не видят в драматургии Вампилова современные режиссеры?*

А. Р.: Его нравственной чистоты, порыва к духовному совершенству. Сейчас, сейчас, когда успешными людьми принято называть тех, кто нажил (в основном бесчестно) большие деньги, тебя просмеют, если ты назовешь успешным человеком, к примеру, музыканта Сарафанова с его убеждением: “Все люди – братья”, или следователя Шаманова с его трудным решением – отстоять в суде справедливость, или студента Колесова, отказавшегося в конце концов пойти на компромисс с совестью. А ведь именно они напоминают нам о нравственном долге, на них держатся доброта, справедливость, душевная приязнь людей друг к другу. Это они успешно исполняют свое земное предназначение, их духовный опыт понесут дальше новые поколения.

В театре, в кинематографе есть, конечно, и сейчас спектакли, фильмы, герои которых не приемлют нынешние нравы, противостоят им. Но чаще всего эти произведения примитивны, мелкотравчаты. У Вампилова чистая кисть, напитанная благородством, нежностью к людям. Он никогда не поучает, не разоблачает, не выставляет героям свои оценки. Он пытается понять их характеры, он то любит кем-то из них, то негодует по поводу грязных поступков и помыслов, то огорчается несовершенством их душ, то сочувствует запутанности их жизни. А в совокупности перед нами встает тот мир, в котором живут правда и красота, но который мы сами постоянно оскверняем ложью и жестокостью. Вот это тонкое, поэтическое очарование вампиловского мира и не удается передать на сцене многим режиссерам.

К. З.: *Какая мысль, может быть, фраза А. Вампилова является ключевой, определяющей и лучше других помогает понять его произведения и его личность?*

А. Р.: Мне кажется, такие строки из записной книжки драматурга: “Все лучшие, известные писатели знамениты тем, что говорили правду. Ни больше, ни меньше – только правду. В двадцатом веке этого достаточно для того, чтобы прославиться. Ложь стала естественной, как воздух. Правда сделалась исключительной, парадоксальной, остроумной, таинственной, поэтической, из ряда вон выходящей. Говорите правду, и вы будете оригинальны”.

В литературе есть правда глубинная, та, что умножает наше знание о жизни, о нашем национальном характере. Думаю, Вампилов твердо помнил завет Льва Толстого, обращенный к литераторам: “Напишет правду не тот, кто только опишет, как было дело и что сделал тот и что сделал другой человек, а тот, кто покажет, что делают люди хорошо, то есть согласно с волей бога, и что дурно, то есть противно воле бога. И потому правду знает не тот, кто глядит себе под ноги, а тот, кто знает по солнцу, куда ему идти”.

Вампилов был как раз из числа тех редких писателей, которые “знают по солнцу, куда им идти”. В жизни, как в большой вольной реке, всего много: и плывущего мусора, закрывающего светлое течение, и мути, поднятой бегущей струей у высокого яра, и камней на перекатах. Но главное в этой реке все же – ее хрустальное ложе, ее питаемая родниками животворная вода. Эти родники из глубин жизни и есть правда Божья. Такую правду несут в душе или к ней мучительно стремятся Валентина и Шаманов в пьесе “Прошлым летом в Чулимске”, Сарафанов, Нина, Бусыгин, Таня, Колесов в комедиях “Старший сын” и “Прощание в июне”, Галина, Ирина в драме “Утиная охота”, Хомутов в водевиле “Двадцать минут с ангелом”.

К. З.: *Были ли какие-то существенные изменения в мировоззрении Александра Валентиновича в студенческие и последующие годы?*

А. Р.: Обычно мировоззрение, духовный фундамент начинают складываться у человека в ранней юности. Наверное, особый отпечаток в душе юного Вампилова оставила трагедия его отца: Валентин Никитич был репрессирован и расстрелян в марте 1938 года. Правда, в студенчестве разговоров с Александром на эту тему у нас не было. В общении с педагогами и сокурсниками Саня никогда не чувствовал себя таким изгоем. Но ведь рана, нанесенная всей семье, – она не заживала, кровоточила. Вероятно, боль от нее Вампилов чувствовал постоянно. На мировоззрение же его, кроме окружающей жизни, огромное влияние, думаю, оказала классика. Тут даже генетически, по наследству от отца, мог перенять он страсть к чтению, любовь к литературе. Валентин Никитич, сельский учитель, был большой поклонник русских классиков, имел немало книг. Так что Вампилов-младший не мог не приобщиться к чтению. Когда мы, несколько ребят из студенческой группы,

составили своего рода литературно-музыкальный кружок, то оказалось, что никто из нас всерьез не воспринимал постулаты тогдашней критики. Что-де литература должна воспитывать “нового человека”, показывать “советский образ жизни”, рисовать “положительного героя”. Уже в те дни Вампилов с дерзкой иронией записывал в свою книжицу: “Искусство существует для того, чтобы исказить действительность, потому оно и называется искусством”. “Узнать жизнь, узнать жизнь! Скорее ее не надо узнавать для того, чтобы быть поэтом”.

Исследователи почему-то начинают разговор о творчестве драматурга с его пьес, считая ранние рассказы и сценки Вампилова чуть ли не литературными пустячками. На самом деле уже в них виден тот художественный метод, который характерен для всего творчества писателя. Для Вампилова нет неинтересных героев. Духовная сущность любого человека привлекательна для него и поучительна для читателя. Конечно, мировоззренческая и творческая позиция драматурга со временем обретала цельность, его художественное мастерство росло, но болезнь флюгерства, так распространенная сегодня, не могла поразить его. Он был подлинным наследником русских классиков.

К. З.: *Какие примечательные поступки или суждения первыми вспоминаются Вам, когда заходит речь о личности Александра Вампилова?*

А. Р.: Я убежден, что в творчестве любого крупного, тем более великого писателя всегда проявляется его необычный характер — благородный, щедрый, искренний. Так, во всяком случае, обстоит дело с Вампиловым. Могу привести множество примеров, летучих, но надолго запомнившихся, когда мимолетный, будничная случай высвечивал коренные свойства его личности. Он был наделен особым даром товарищества. Для друзей он делал все, что мог: делился последним, бросался на помощь, откладывая срочное дело, нужную поездку, важную встречу. В смертную минуту он поступил по тем же законам товарищества. Когда лодка, на которой он плыл с другом, перевернулась и качалась на воде вверх днищем, он, зная, что его спутник не умеет плавать, крикнул: “Держись за лодку! Я поплыву к берегу, пришлю помощь”. Тот друг остался жив.

Вспоминаются его пристрастия в поэзии и музыке. Он любил стихи, отмеченные мучительными чувствами — горькие признания Лермонтова и Тютчева, Блока и Есенина. Омывающая душу печаль, ранние прозрения отражались тогда в его взгляде... Он клал на проигрыватель пластинку с записью романса Глинки “Сомнение” или арии Алеко из одноименной оперы Рахманинова, где звучали слова:

*Что ж сердце бедное трепещет?
Какою грустью я томим? —*

и мы затихали, словно это была прелюдия к каким-то провидческим минутам. А ведь Вампилов и мы, его товарищи, так часто пели, смеялись и дурачились! Он хорошо чувствовал трагическую подоснову мира, сочетание света и тени в человеческой жизни и человеческой душе. Его герои, как и он сам, их создатель, не знали легких путей к чистой жизни, к гармонии с самим собою, к совершенству. Когда-то Гоголь призывал строить в себе “внутреннего человека”. Гоголь, как и Чехов, был любимым писателем Вампилова. Драматург ни к чему не призывал, но на судьбе своих героев он наглядно показывал, как одни из них медленно и тяжело, со срывами и обвалами во тьму, подвигались к совершенству, а другие выбирали дорогу зла.

К. З.: *Вы уже говорили, что писать правду — это традиция отечественных классиков. Злобное очернение или неумная лакировка одинаково чужды подлинной литературе. Но вот пьеса “Утиная охота”. Есть ли в ней светлое начало? Не слишком ли безнадежна картина, нарисованная драматургом?*

А. Р.: Такой вопрос можно задавать в связи со многими произведениями русской литературы. Где светлое начало в таких шедеврах драматургии и прозы, как “Иванов” Чехова, “Живой труп” Толстого, “На дне” Горького, “Деревня” Бунина, “Яма” Куприна, многих других?

Говорят: человека формирует среда и время. Отчасти справедливо: среда и время, хотя каждый из нас — это частица пресловутой “среды” и при желании сам может сильно повлиять на среду; что же касается времени, то опять же мы сами определяем духовную атмосферу времени, каждый из нас своими способностями, своей деятельностью может повлиять на нее.

Свою душу, мировоззрение, характер формирует прежде всего сам человек. Среда и время, конечно, повлияли на Виктора Зилова. Вчерашняя система нередко подсовывала человеку вместо интересной работы ничемное дело, вместо духовной свободы – унижительные запреты, вместо подлинных идеалов – фальшивые лозунги. Но все же за свою судьбу ответственен прежде всего сам человек. Для Зилова, кажется, нет ничего святого, все – пустой звук: работа, семья, любовь, сыновние чувства к отцу, товарищество.

Но почему он вызывает сострадание, даже симпатию? Потому что умен, не меркантилен, способен на добрый поступок? Потому что безоглядно, бесстрашно обнажает свою безнравственность, опустошенность, безверие, цинизм? На это способен лишь человек с живой, а не с мертвой душой. И это вселяет надежду. Во всяком случае, хочется верить, что для Зилова еще не все потеряно.

А рядом с Зиловым – Галина, о которой автор с большой симпатией написал в ремарке: “В ее облике важна хрупкость, а в ее поведении – изящество, которое различимо не сразу и ни в коем случае не выказывается ею нарочито”. В своих сложных супружеских отношениях с Зиловым, причинившим ей столько страданий, она до конца ведет себя достойно. А еще есть другая жертва эгоизма и подлости главного героя – Ирина, доверчивая и чистая. Обе эти натуры не могут быть приравнены нравственно к недалекому и циничному окружению Виктора Зилова. Где же тут беспроектная и безнадежная картина жизни? Нет, здесь то же богатство судеб, то же богатство человеческих характеров, что и всюду на нашей неустроенной земле.

К. З.: *Еще один, может быть, странный на первый взгляд вопрос: как связаны между собой автор и его герой, в частности, Вампилов и Зилов? Сколько в Викторе Зиллове самого Вампилова?*

А. Р.: К моему удивлению, на эту тему рассуждают многие исследователи творчества драматурга. Если принять их логику, то можно спросить: а сколько Вампилова-студента в его ровеснике Колесове из комедии “Прощание в июне”? Или сколько Вампилова в музыканте Сарафанове?

Проблема тут, конечно, есть. Еще Пушкин в своем романе обмолвился, что приятельствовал с Онегиным, и добавил, какие черты характера этого человека нравились ему. Но ниже поэт написал, что он “готов отметить разность” между Онегиным и собой. То же сделал Лермонтов в предисловии к роману “Герой нашего времени”. Он посмеялся над “проницательностью” тех читателей, которые сочли, что автор изобразил в Печорине самого себя.

Видимо, легковых читателей и невдумчивых критиков сбивает с толку одна особенность художественного творчества. Рисуя героя, писатель постыжно сверяет его чувства, настроения, поступки с теми, которые он испытывал или совершал сам в схожих ситуациях. Правда образа обязывает автора быть очень точным, когда он рисует сложные переживания, неожиданные решения, алогичные поступки своего героя. Тот же Лев Толстой, работая над романом “Воскресение”, сказал однажды жене о Нехлюдове и Катюше Масловой, которые по его первоначальному замыслу должны были вступить в брак: “Знаешь, ведь он на ней не женится...” Логика взаимоотношений этих героев воспротивилась намерению писателя и продиктовала свою волю, которую автор, конечно, проверил собственным душевным опытом. Еще определенной на эту тему сказал о героине своего романа Флобер: “Госпожа Бовари – это я”.

Но нужно ли понимать такие утверждения буквально? Разумеется, нет. Автор дарит герою пережитое единственно для того, чтобы повествование о нем звучало правдивей, исповедальней и, значит, воздействовало на читателя сильнее, неотразимей. Так и у Вампилова. Какие-то совпадения житейских подробностей в судьбе автора и его героя, сходство переживаний, испытанных тем и другим, говорят лишь о том, что драматург добивался особой художественной достоверности изображаемого. Он словно сказал себе: то, что я взялся вывести на сцену, должно быть показано с беспощадной правдивостью, предельной искренностью, личной исповедальностью. Особенно это касается сюжетной линии: Зилов и его жена Галина. Тут есть отблеск пережитого самим автором. Сцена, когда Зилов и Галина вспоминают памятный для них день, или другая, когда Зилов произносит свои покаянные слова перед запертой дверью, за которой, как он думает – его жена, – эти эпизоды, необычайные по трагедийному накалу и открытости, исповедальности чувств, написаны пером, которое обмакивалось не в чернила...

К. З.: Как преподавать творчество Вампилова в школе? Что Вы посоветуете педагогам?

А. Р.: Открывать ребятам Вампилова как еще одного классика русской литературы. Изучать его художественный метод, особенности его драматургии, стилистику, язык, оригинальный юмор. Вампилова мало что роднило с советской драматургией и очень многое – с русской классикой. У него нет только “положительных” и только “отрицательных” героев – у него живые люди, наделенные достоинствами и недостатками. У него нет конфликтов, которые были так любезны тогдашней критике, конфликтов, в которых побеждает выдуманная идеологией мораль “нового человека”, а есть бесстрашное художественное исследование жизни.

Возьмите, например, такую нравственную проблему, как компромисс с бесчестностью, подлостью, продажностью. Прошли десятилетия со времени создания пьес “Прощание в июне”, “Утиная охота”, “Прошлым летом в Чулимске”, а драма человеческой души – приспособленчество, сделка с совестью не только не отпала, не притупилась, она, по крайней мере в России, стала решающей приметой времени. Трубадуры вчерашнего строя, в своих романах, пьесах, стихах, песнях до слез умиления прославлявшие его успехи, успехи и успехи, в одночасье и без угрызений совести сменили тон и краски, будто сменили очки, и наперебой заговорили о грязи и крови вчерашней жизни. Эти люди уже есть в пьесах Вампилова. Мерзкий Репников из комедии “Прощание в июне” даже и не скрывал, что в решительные минуты готов сменить свои “принципы”. А уж синтетический Калошин из “Провинциальных анекдотов” – тот в новые времена с большим удовольствием возглавит любую “контору” – и ту, к примеру, где болтают о воспитании нравственности, и ту, где обдуманно и цинично втоптывают ее в грязь. Но во всех пьесах Вампилова, как в жизни, есть и чудо непредсказуемости. Будто вырванные из шумного потока бытия в самый драматический, решающий момент судьбы, герои его произведений в конце опять отдаются автором этому грозному потоку жизни с его подводными камнями, смертельными водоворотами, стремительным, неуправляемым течением. При этом, как и в реальной жизни, будущая судьба героев обещает множество вариантов в зависимости от того, какие силы победят в их душах. Что ждет завтра Бусыгина, Сильву, Нину, Васеньку из “Старшего сына”? Какие пути выберут Валентина, Шаманов, Пашка из пьесы “Прошлым летом в Чулимске”? Погибнет или возродится душа Зилова? Такие персонажи – принадлежность классического искусства. Если юный человек задумается над их судьбой, значит, усилия школьных наставников не пропали зря.